

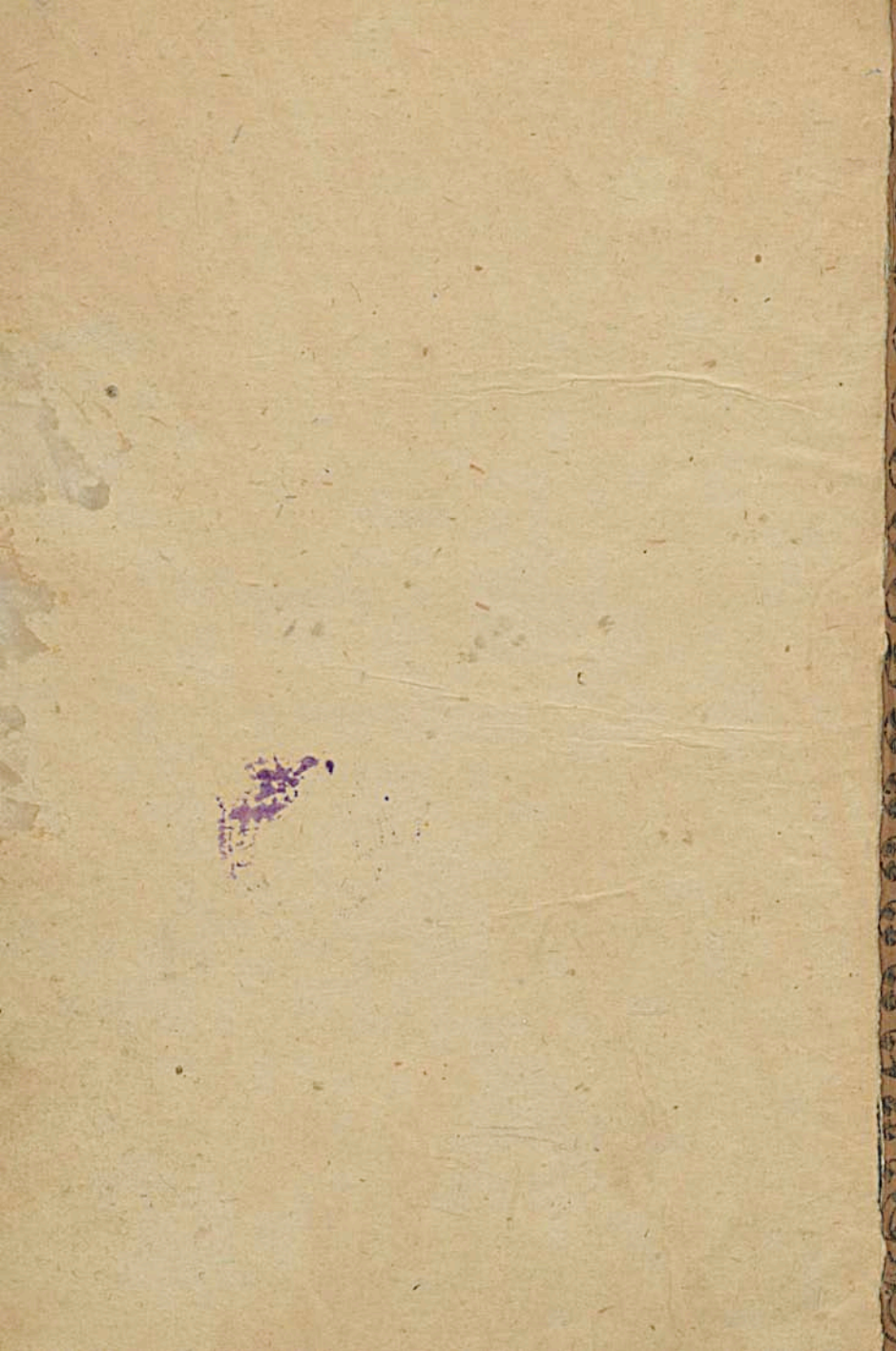
62 775

5 2422

3

99
12

Ба 775

НАШИ ПЕРЕСЕЛЕНЦЫ.

(СКОРЭЙ У ТОМСКЪ).

(Оттиски изъ Витеб. Губ. Вѣдом. 1896 г.).

Витебскъ.

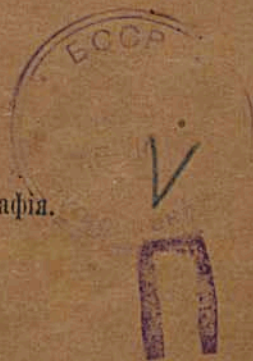
Губернская Типо-Литографія.

1896.

Б 094
Н-37

Ба 775

114.167
2012
7.9.14

100

100

НАШИ ПЕРЕСЕЛЕНЦЫ.

(СКОРЭЙ У ТОМСКЪ).

(Отгиски изъ Витеб. Губ. Вѣдом. 1896 г.).

Витебскъ.

Губернская Типо-Литографія.

1896.

114.167
2492
1903 г. А 6775

✓

Вильна

(ОНОРЪ У ТОМЪ)

Дозволено цензурою 20 ноября 1896 г. Вильна.

25. 0 4. 2009

Наши переселенцы.

Скорэй у Томскъ.

У Томскъ, братцы, скорэй у Томскъ,—кажутъ нашинцы и чужаки: тамъ ня ткуть, ни прядуть—обрядно живутъ; ни па-шуть, ня жнутъ—пирогы пькутъ, солодкое молочко зъ бисляемъ ядутъ! У Томскъ, братцы, у Томскъ, родненькин!

Али потиху, братцы, потиху! Тэй самый Томскъ отъ насъ далёко; довго вхать, довжйй того иттить. Покуль што, ти ня лѣнц-бъ былъ водицы студененькйй испить, смагу прогнать, а други ковшъ на горячую голову узлать, пирякститьца, якъ лю-демъ хращенъмъ подобантъ, приеъсь хуть-бы и на завалинку, айдѣ дады рады радили обѣ свое жищййко.

А тымъ часомъ наши вѣчни нихай почитаютъ намъ книжку про тэй самый Томскъ. А книжка тая занятная и складная; сочинивъ яе хтось у городи Миньску, намъ учѣра заславъ, да и бажить такъ.

У Томскъ!... Перши-на-перши успомню казку, што разумныи люди баюць про завидушихъ, якъ-ба имъ треба съ даромъ Бо-жимъ обходитьца, якъ стеречи тоѣ, што ёсь, бо ня усѣ тоя добро и богатство, на што воко зазираить. Здаецца—во янѣ у рукахъ. А якъ погонисьца, часомъ можно утратить усѣ, што мѣншь.

Мяркуй самъ. Вѣгъ собака по кладцы иразъ раку и несѣ ёнъ у ляпцы большэй кусокъ мяса. Только видить гѣтый собака, што у водѣ бягить другей и претъ мяса, здаецца, поболй, и за-думавъ нашъ собака ухапить чужоя мяса: разинувъ ляпку и—цапъ!... воды. Тымъ часомъ ягѣнный кусокъ мяса выпавъ зъ ляпцы

и поплывъ зъ водой быстро, а нашъ дуринь остався бизъ ничего.

I.

Якъ баяцца у казки, ня лѣпшій того биванть и въ самъ дѣли, у жиццю-быццю землепаха! Типерицька ня ввидишь и ня вчуишь ничего добраго, окрома грѣшний работы, дурный гуторки и поклепу, якъ бытцыекъ у нашій рѣдний зямельцы нѣту ужо простору жиць, выгодно, по Божаю, нейдѣ богатѣть чеснымъ розумомъ да хлѣбомъ.

Кажному якъ-бы то усяго скупо, мало стало. Уси такъ и ждучъ достатку бизъ мѣры, только сабѣ, што звалитца нибыць зъ неба; одинь другого готовъ зѣбѣсь, завидують усякому, ни вѣдая того, што усимъ ня быць роуными: ци силой, ци ростомъ, ци здоровьемъ, ци вѣкомъ, ци господарствомъ, ци власцій. Ня помнюць яны, што ето усе одь Бога, кабъ были на свѣти люди старшии и молодшии, хозяины и молоццы, Монархи и подданыи, — и што для усихъ ихъ ёсь рѣдний край.

Ой! Якою-жъ гѣта великою, святоя слово: родина, рѣдний край! Треба только зразумѣть гѣтти словы, и зъ чесцій, глыбока хувать у сэрцы!

Али-жъ людѣмъ темнымъ и ня добрымъ, завидуицимъ на чужоя, чураюцимся ширій работы, и у гѣлову ня придить, якоя яны сабѣ зло множуць, выглядывая усе за родныи ворота, кабъ только дѣ-нибудъ поживитьца дармо.

Зямелька наша мацц, што насякла кроую и пѣтомъ предкывъ, дождалася цяперъ того, што лѣ сыны, на одно слово яко-го-сь подлаго обманника, готовы кидать яѣ и мчать, гдѣ зависливыи вочи зыркаюць за легкою наживою... Сѣромъ гѣта бачиць, усе тоя смутный дужа знакъ, и сэрца болиць, якъ подумашь, што сталося съ добрымъ зъ натуры народомъ нашимъ! Даунѣй, бывало, кѣмъ ня выгнавъ-ба зъ сила одного чиловѣка туды, куды цяперицька готовы лицѣть громадою усею.

Ни такъ-то дауно народъ окраинъ нашего царства узнявсь бывъ ѣхать за мора, въ Америку, и тысячи яго прошали на чужой сторонѣ; цяперъ-жа зноу тутэйшии Вѣлоруссы задумали туртомъ ширибрацца у Томскую губерню.

У корчмахъ (ой, тыи корчмы проклятии!) на киршахахъ, у городахъ и у селахъ только и гомону дурного обѣ томъ, што ходили, ти пойдуць „записывацца“ до губернатора на пярсяленя, бо туды битномъ вызываюць народъ разомъ, повязуць ягй царомъ, а на мѣсцы дадуць ни токма много зямли зъ построй-

кою, али яще шмать гроши, да надараць усякаго насѣння, рога-
тый скотини кажному парасяленцу,—што у Томскій губерни два
мѣсяцы только зимы лѣгкій, а послѣ тепло, дакъ завсѣгды няюць
солоуя, растуць просто у лѣсу солодкія яблоки и дули,—што
бочка зирна уродить заужды повный засѣвъ,—што тамъ народъ
будить волень одъ податей и набора.

Во, што плятуць дурни, а другіи слухаюць и даюць вѣру
гѣному глупству, а тымъ часомъ дѣлаитца великая шкода и имъ
самымъ, и цѣлому родному краю, бо и силляни богатыи, маюци
довольно свойго грунту, думаюць вѣхать у Томекъ, на кисельныи
бириги и молочныи рѣки, а покуль што продаюць за бизцѣнокъ
стачину и усякою хозяйство.

А ты вѣдаить народъ, хто такій подстраиваить яму такую
дудку? Ты вѣдаить, у якую яму лѣзить? И одкуль пошло усѣ тое
баламуцтво? Ето усѣ дѣло я разтлумачу.

Кабъ народъ бывъ грамотный и письменный, якъ треба дер-
жавѣ добри святую вѣру Христовую, да бывъ ба твързый, обще-
са, моральный, працавитый, вѣдавъ бы, чаго стоить дорогая ча-
синка, ды ни забывавъ ба правду старосвѣцкую, што „бизъ пра-
цы ня вѣсь калачи“, дакъ яго ня дужа бѣ хто ошукавъ, ня ду-
жа бѣ звѣвъ, кабъ послѣ поживицца тымъ самымъ.

Зъ ласки Бога и Вѣлаго Царя народъ уже давно маить широкии
правы свободнаго обывателя, однакъ грамота и письменность у на-
рода стоить совсемъ слабо, а што значить обычаинось, працови-
тось,—объ тѣя ѣнь яще менши вѣдаить. И ня диво: покультька
дойщисья одной училищи съ книжками, дѣкъ пройдишь трид-
цать корчемъ съ горѣлкой! Одъ етаго самаго пьянство у селахъ,
ня тутъ будь казано, цвितеть якъ макъ, пьяници по деревняхъ
—якъ грибы; пошла усюдыхъ бизумѣрная распуста; дѣвки скром-
ной, правой цяперъ со свѣчкой ищи, бо чуть ни вѣсь свовольны,
а молодчики-корчомники батьковъ и матокъ ни шануюць, глумят-
ца надъ старыми, зводють дивчатъ, працовать циро и зароблять
чесно ни рады, дакъ и заможности правдивый нѣбути, бо „мацѣ
зямелька такъ родиць, якъ ей хозяйинъ годить“, а хозяйинъ толь-
ки съ помочи Божей мѣгецъ наладить свой верстатъ, ци то за-
пась!

Поболи якъ тридцать годовъ тому назадъ, якъ народъ вышивъ
зъ-подъ паньщины, дѣ-ня-йдѣ и просвятився трѣхи, а зависъ до
богачтва тлумить яму совсемъ голову. Минулиси стародавнии зви-
чай, якъ старыхъ слухаць; нима имъ шаньбы и почету одъ мо-
лодыхъ, одна только ганьба и дерзось. Родныи браття гризутца

за батьковщину йще при живэмъ батьки, а сошепиць энъ руки— куды што!... А ето-жь ти мало, што сынъ батьку забивъ, братъ— брата? тутъ подналивъ празъ злону, тамъ идуть пожары одъ няосцярожности зъ огнемъ оставленныхъ бизъ дозору дитей, да празъ поганни папяросы, которыи цянеръ смалюць хлопцы и дивчаты, малъ одъ дячинства, и нихто гэтой своволи ни забра- няиць.

Зло тожа вялякоя, што одежу народную усю поскидали и напранули курты да сукни фабричны. А идъ тыи п'сенки, тыи обрадки, тыи былины и сказы старосвѣцкѣи! Куды табѣ што! Пяюць нѣйкѣи солдацкѣи, нипристойныи, што вуши вянуть, слушаючи ихъ... Йше выдумали справлять свадыбы у святую пяцинку, въ день смерти Спасителя, коли другѣи хрыстьяни молотца и постють.

Ни было етого давнѣй и ня чувано!.. То й ня диво, коли одъ новаго звычайа нима ладу-спору, нима достатку, бо тѣя даецца одъ разумной и широй працы, а Богъ ня могить благословить ленивой и добровольно сабѣ псующей грѣхомъ толпѣ.

Вотъ адѣ причина того, што народу ня милы и ня любы стали свои углы святые, одъ пращуровъ доставшѣися, и што энъ, почувши байку объ кисельныхъ берегахъ, объ дармовымъ, готовымъ скарби за тысячу верстѣ, готовъ туды бресъ, якъ утрапленый, у въ обгонки! Здаецца яму, што нагрибець разомъ дужа грошѣи, заживець сабѣ паномъ.

Но за гэту разгуканую хцивось мусиць яму статья куды горшѣ, коли чѣмъ зароблять, учитьца, промышлять, якъ жить чеснымъ трудомъ у родной зямельцы, энъ тратить только дорогѣи часъ на корчемныи гуторки и усякѣи баламуцтвы, а послѣднѣи гроши оддаецъ лайдакамъ за ихны блудныи новинки, которымъ нѣкѣли ня збыцца.

Гэтакъ жить ня можно, треба опомнитьца и вѣдать, што дурнямъ, коли у ихъ сунсована душа, нѣйдѣ ня будить добра, а кабѣ имъ стало луччѣи, такъ треба поправитьца зъ грунту, треба много учитьца, довго старатьца, треба ширю и дужа працуючи добыць сабѣ гэтакимъ путемъ потребный достатокъ. Нимашѣ другей, только гэта простая и прѣмая дорога къ хлѣбу насучнолу и къ доброму быту, а ина указана намъ Самымъ Богомъ.

Хто иначѣи учить народъ, той яго нипрѣитель, той хочиць згубы люцкей, хочиць сбить съ толку хрыстьянскаго... Айдѣ тоя видано, кабѣ готовыи пячоныи голубки ляцѣли намъ у самыи губей! Чиловѣку призначено одъ Бога проливать потъ, працуючи на жицця. Ти ня самъ сабѣ усякѣи кузнецъ свое счасца

куець, тямломъ да черной сажой бѣлую рубашку шіаць? Дакъ и и найбогатшій отъ работы ня воленъ, а коли гультаиць, то грѣшить и рано-поздно пропадетъ.

Ня думайтя, прѣстни люди, што только вы працуиця. Наштыльть: усякая работа, ти съ топоромъ, ти то съ паромъ, коли робитца, то и цяжка. Али ваша здоровѣйша и крѣпнеть, бо простый работникъ, пробывая больше на чистомъ вѣтри, добри зѣбсь заснетъ! Ни завидуиця занятымъ якей другой працою. Якъ у лѣси разныи древы, такъ и на бѣломъ свѣти мусюць быць усякіи люди для того, кабъ одны другимъ узаймно служили, помогали, то тымъ, то симъ, хто што умѣить. Одинъ дрѣвы сякець, ти зямлю пашить, другой пишить, альбо учить, третій ѣсци варить, тѣй печатниць книги, торгуютъ, лѣчить и т. д. и усѣ яны робюць дѣлы добрыи, а злый только той, што хочиць лижать на боку и завидуиць другимъ.

Во якъ! Трѣба работать, хто што можить и умѣиць, и ни спихай мы роднаго хлѣба съ лопаты, такъ усѣ сыты станимъ, бязъ сlišній роскоши, которую то и вѣра наша Христова диржать ня позволяиць. Ня той счастливый, хто ходиць при золотыхъ часахъ, ал хто зѣ працы рукъ, ти головы маиць скромный быть, да чистоя сумления, которая становить найдоражѣйшій скарбъ чило-вѣка.

Дауѣй, якъ на свѣти были меньше потребы, а молодежь слухала старыхъ и уся симья работала у хату, такъ и Богъ спорынь усяму, и жилося луччѣй, ширѣй. Али новоя распусноя поколѣбня порвало зямлю на кусочки, настроило густо бобыльскихъ хатъ, прямъ ли пожару, и бьетца коло ихъ, бо жаль кинуть ихъ и ицить на заработки. А тымъ часомъ найшли трудныи годы, хлѣбъ ставъ совсимъ ни дешевый, и только разумному хозяину и съ запасомъ яще можно якъ-нибудь обярнутьца.

Одтуль усѣ трохи приголѣли, а пѣяницы и распутныи почали красти, и цяперъ повны остроги здоровыхъ дяцюкогъ за злодѣйство. Други, опять, мѣсть научицца якого рамясла, альбо стаць у заработки у фабрику, чи у дворъ господарскій, только подставляюць вуши, кабъ почуть, якъ дѣ што сорвать бизъ працы.

Во и почули одъ разныхъ злыдняу обѣ Томскіи дармовыи богатствы, и туды намѣраны пѣрци, ни разобравши у чимъ дѣло. Тую вѣсь, разумѣитца, разясли усякіи вошусты, збродни, жулики, знающи дурнось народа, кабъ мѣть зѣ яго нягодную ко-

рысь, бо хто записывайтца у ихъ, мусиць имъ платить сколькы гроши *).

Тая новина пошла, якъ зараза¹ по сѣлахъ и народу замуцилось у головѣ одъ надѣи на роскошная жиццѣ у прочкахъ. На бяду ходитъ байка, што бытцомъ уже много людей поѣхало у Томскъ, што у два мѣсяцы нажили сабѣ тамъ по сорокъ штукъ рогатаго скоту, стольки жъ коней—дакъ и прывываюць письмами мѣрѣ, кабъ усякій туды хуць-ба ракомъ повзѣ „богачѣть и пановать!“...

На тоя баламутство глянуло, наконецъ, начальство: веліно следитъ за подстрикатилями и осцярять народъ, кабъ ни блудивъ дурно и ня робивъ тымъ сабѣ шкоды. Али хоць разумнѣйшиі слушаюць, народъ ни пристаецъ клявдиць и плясти свое на уся лады, дакъ и задумавъ я разтлумачиць народу чистую правду.

II.

Али-жъ запытаюць цікавы: коли гуторка обѣ Томску ни правдива, то якъ могла ина повстать ни зъ того ни зъ сего, бязъ ніякій причини?

На тоя отвѣтъ: правда, якъ кажуть, ни бываецъ огню бязъ дыму, такъ и байку обѣ дармовий богатствы Томска силляли люди ни зъ ничего, да только байка гѣтая глуная и будиць намъ усямъ саромно, коли, якъ той кажиць, „оглѣдитца Малахъ, што трасца у зубахъ“...

Яще нибожикъ Монархъ Александръ III, разузнавши, што народу много выѣзжаецъ зъ русскаго царства за мора, кабъ тамъ пропадаты, выдавъ 13 юля 1889 года указъ обѣ томъ, што коли хто зъ силянъ, альбо мѣщанъ бяздомныхъ, но маючихъ за насъ гроши, захочиць вѣхать и сялитца на свой счетъ на казенныхъ земляхъ, то могиць проситъ о томъ начальство, и такимъ назначана выдѣляць участки зямли на Сибири, альбо на другихъ далекихъ пустыхъ окраинахъ царства, ни даромъ, однакъ, а на выкупъ, зъ некоторыми до времени льготами. Во и усѣ!

Обѣ томъ царскимъ закони усякій, ни слушаючи разныхъ вошустовъ, якъ растуць дули на верби, можиць прочитаць у книж-

*) У городѣ Ягумани, Минской губерниі, дознано, што тамъ дурилм и записывали народъ на иярсазени вошусты: Павтарацкій „кривий“, Журавскій, Прехоровъ, и другіе. У томъ самымъ 1884 году нѣкій Двшкевичъ звевъ много народу и Правдичество мѣло много зъ тымъ клопоту, поколе ни сослали влодѣя у Сибирь.

цѣ, што все у кажимъ волостномъ правленіи, подѣ заглау-
емъ: „Сборникъ разъясненій Сельскаго Вѣстника по дѣламъ сель-
скихъ обывателей.

Зѣ тыхъ порѣ ніякого другого закона объ пирасяленни Царѣ
нашѣ на выдавѣ, а цѣперинній духъ пирасяленни возбудили, якъ
сказано, вошусты, кабѣ ошуканствомъ цягнуть зѣ цѣннаго наро-
ду корысь. Яны то подмоялюць ициць у прочки, нивѣдѣ куды,
за нибывалымъ счащимъ, бе усюды чиловѣка на свѣци ждець ра-
бота, а чимъ ень разумнѣйшій и сумленнѣйшій, тымъ будиць и
счастлившій. Подробнѣй объ томъ, якимъ способомъ у батьков-
щини жить и працювать трѣба, скажу яще на концы моей книж-
ки, а покуль тоя, надо растолковаць, што за край такій обѣ-
тованый Томская губерня, ни быдго молокомъ и медомъ плы-
вущая.

Такъ вотъ: ляжиць ень у Сибири, на сѣверо-восточной сто-
ронѣ русскаго царства, вдали отъ насъ на 6000 верстѣ, за го-
рами, за лисами, за широкими водами, куды можно будиць доѣ-
хаць управду и по зѣлѣзной дороги, которую скоро окончатъ
строить; однакъ, гѣта усельѣ дужа далеко, можа девять разъ
стольки, якъ одѣ насъ до Пицярбурга, альбо до Кіева. Наука
насъ вучиць, што зима тамъ начинайтца одѣ снтября мѣсица и
стоиць до мая, чуць на 9 мѣсецѣвъ; што морозы доходяць до
40 градусовъ, дакъ дѣли холоду такого страшнаго тамъ ни
растець ніякая садовина, а люди зимой мусюць ходиць ни
якихъ-сь тамъ кажуркахъ нашихъ, а зашиты одѣ ногѣ до го-
ловы у двѣ мохнатыя звиринны шкуры, бо иначѣй ни одинъ на
бывѣ-ба живѣ.

Зимля тамъ, правда, на згорша, али климать дужа суровый,
и часу мало для господарства полявого, бо часто морозъ увесѣ
урожай поморозиць; затымъ людей у гѣтыхъ пустынныхъ простор-
рахъ покуль мало, и усе наѣзжій народъ, спирша изъ каторж-
никовъ ссланныхъ, а потомъ изъ разныхъ пирасялен-
цевѣ.

Покуль-што можно бѣ тутъ умѣлому и працювитому чило-
вѣку мѣть пользу зѣ рыболовства на великихъ рикахъ и озе-
рахъ, и зѣ охоты по драмучимъ лѣсамъ, али уси тыхъ простори
казенны, и зѣ прибыткомъ народу, празъ залѣзную дорогу, му-
сяць уйти и гѣтый природный достатокъ старинный, и трудъ
чиловѣка помножитца.

Во, якъ выглицанць правда чистая, бизъ усякихъ прикрасѣ,
фундуваная на законныхъ данныхъ.

Разумѣйтца, у тымъ краю повночномъ, далекомъ, жить мож-
но, особливо тому, хто щиры до працы, богобоязны, цвярэзы, а
удобавокъ прыйдиць тамъ зъ розумомъ и зъ потребнымъ запа-
сомъ своихъ грошій; али дурню якомусь, гультаю, пьяницу голо-
му тамъ только скорэй пропаеци, и хуць-бы хто хотѣвъ вярнуть-
ца, то уже вѣрно ня потрапиць. Повторяю: только дурносць на-
роду тутэйшаго есь першій причина того кочаватъ за свѣтъ зъ
свойго рднаго краю, бо у нашій Бѣлоруси *) насыленью мен-
шій у шесь, альбо у семь разъ, чимъ у сосѣднихъ государствъ
на гэтакомъ кускѣ зямли, за тымъ ніякой тисноты нимаць, и
довго трѣба ждаць, покуль ў-заправадзі тѣсно станиць, якъ на при-
кладъ у Франціи, Англіи и у другихъ народовъ.

У насъ народъ хотъ подяливъ сялибы давніи, однакъ, могъ
ба ище жиць у добромъ быци, кабъ мѣвъ науку. Немецкія си-
ляни коли маюць 10 десятинь поля, то живуць достаточно, быць
якъ наши паны у имѣніяхъ: муруюць сабѣ просторныя камя-
ницы, маюць у ихъ покои прыбраны хвастливо, зъ книжками и
газетами на столахъ, бо господарство у ихъ научная, а яны са-
ми добри обучены ў школахъ, цвярэзы, биражлявы, сумленны и
вельми працовиты.

Коли хто гэтаму ни повѣритъ, нихай прочитаиць свѣжую объ
томъ вѣдомось у Пяцярбургскій газэци „Свѣтъ“ за 1895
годъ *), тамъ ўсе тоя описано вельми цікаво и выяснена при-
чина богацтва нийцкаго сялянина, якъ я вышій ка-
завъ.

У насъ коли хто зъ сялянъ научитца читать и писать, то
ужо чуратца сила и задумываиць, якъ ба найтить дѣ мѣсто пи-
саря у волости, ти урадника, ти иного якого чиновничка, бо
туть можно ходять у сурдуги, пры часахъ.

Вось почаму у селахъ нашихъ прожываиць только темный
народъ. Нихто тамъ ни умѣиць ни то добри помолитьца Богу, ни
прочитать разумную книжку, альбо якія законы, а проклятая
гарэлка заливаиць до остатку усихъ мозги, такъ што дѣбится ў го-
ловахъ, тоя и ў господарстві. Школы скоро ня убачить, ти са-
ду ли хатъ, только корчмы ўсюду торчать на першимъ мѣсти,
дѣ Шмэрки и Ицки звили сабѣ теплоя гнѣздо... На вулицы вуз-
кій грязь и смуродъ страшный, усюду волочутца и рыюць свинни
у хатахъ тожъ само, бо народъ живець разомъ съ курами да

*) Губерніи: Витебская, Могилевская, Минская, Виленская, Грод-
ненская.

***) Гляди № 200, подъ заглауемъ „Отголоски“.

съ поросятами, одъ чаго такъ часты хворобы и поморы; повно блохъ и усякій иншій гадости, люди ня мыты, ни чысаны суваюцца зъ кута у куть, съ пинками, альбо папярсами у зубахъ, у подранныхъ бредяжкахъ, якъ старцы якій... У добавокъ злого, хаты усюды поставлины бязъ толку, ня у ливію—тая туды, тая сюды, крыты соломою: коли пожаръ, дакъ уся дивевня мусиць ищиць съ дымомъ у мигъ... И никто ни раздуманца, што треба жъ завясти другой порядокъ, што хозяйство любить вумнаго хозяина, щираго работника, што господарство кормиць увесь свѣтъ! Доля жъ нашій господарки, покуль што, вельми смутна, коли ею править ни просвѣчаны, пьяный народъ! Потребна вяликая пирамѣна у мысляхъ и появденню тутэйшаго землепаха, што-бъ перестали люди бѣгчи зъ зямельки, нашій рѣдны мати!

На тоя, што бѣ мѣць спокойная жиццѣ, ня треба яго искать за свѣтомъ, а тольки надо працовать съ Богомъ и съ розумомъ на мѣсцы, бо хотъ чуваць, што „за морамъ воля стоить полушку“, а усѣ-жъ луччи туды празъ зависть ни ходить, бо покуль твѣ воля, дакъ боты стоичишь, гроши прохарчуишь, и мусиць усправдитца давняя прыказка, што „вяликій кусокъ горло дярць“...

Ой, свитая батьковская нявка! Бо хотъ часомъ ни уродить, „али къ торби ни доводить“, дакъ и правда сказано, што „усюды добро, дѣ насъ нѣту“.

Помницца-жъ, помницца, люди, тую одвѣчную мудрось, ни назирающа вельми за свои ворѣты и старайщися отъ усяго сэрца, кабъ дома ваши, селы ваши сталися вамъ милы и достаточны празъ чесную работу вашу.

III.

Запытаютца: якъ жа устроить такъ, што бѣ стало луччей?

А во якъ.

Гарэлку треба кинуць и, конешно, цвярѣзыми зробітьца, бо блязь того николи ніякого толку ня будить.

Дальшъ, треба учитьца пильно усяго, айдѣ тольки можно.

Треба шановаць часъ и дармо ни тратить и минуты, бо ёсць разумная прыказка богацѣйшаго на свѣтѣ народу, Англичанъ, што: „часъ—гѣто гроши“. А нашъ народъ у гѣтымъ ни разумиць ничого и тратиць ня тольки гроши на пьянство у святки, али и часъ у будни, да на усякія проводы и забавы забобонныи, якъ: „Градовны Сярады“, „Выпятры“, „Мяртвыхъ Вялик-день“, „Миколинъ Вацька“, „Паликона“,—и Богъ вѣдаиць што яще.

Треба святить тольки святки, наказаны вѣрой Христовой, пристойно, съ молитвой у сэрцы, съ читаннѣмъ добрыхъ книжекъ, а ни пьянствомъ грѣшнѣмъ; святить такъ, кабъ отдохнувши братьца съ подвойною охотою за работу.

Такимъ манеромъ придуть у году шмать большъ дорогого часу, а цярвэзи головы стануць мудрѣй судиць-радиць обо усѣмъ, что касаетца добра, силы и волости.

Тоды на школу ня будуць жалѣць гроши, бо зразумѣюць, што наука селянину конечно потребна, якъ и каждому другому. Алѣ-жъ ня тольки выучитца чловѣкъ у школи, бо и свѣтъ школа добрая, вучиць енъ прахтыки жицця того, хто захочиць учитьца. Дакъ ни задомоуляйця дяцей вельми, алѣ посылайця ихъ у науку къ разнымъ майстрамъ и рамесникамъ, кабъ выучилися чаму доброму: столярства, малярства, бондарства, кравецтва, слясарства, рымарства и т. д., бо тыхъ работъ цанерь многа требуюць и добри платюць.

Такъ-само, дѣ у якимъ двори живець разумный, працовитый, вылатный, сумленый помѣщикъ, тамъ шлиця охотно дяцей и лишнюю сямью на заработки и на службу, учитьца господарства и другой работы; усякъ потребны тамъ: слуги, паробки, пастухи, огородники, швачки, кухарки, акономки, кучары и т. д., ми чкису етъ цяперь хлѣбъ добрый и пѣнсѣя достаточная, и якъ чуваць, сумленныя слуги достануць на старости амарытуру у грошахъ, обѣ чемъ радюць-судюць ужо, для огульнаго пожитку, сами хлѣбодавцы.

До сихъ поръ идець народъ на службу ни охотно, и луччи голѣть яму у хати, чимъ служиць. Алѣ гэта придрасудокъ шкодливый, бо люди тратюць часъ, заработки, коли можнось чаго нибудь пожиточнаго научитьца.

Добра нажить приказка, што: „Свинни хоць хто потрапиць пасить“, алѣ быть огородникомъ, майстромъ, и т. д. треба выучитца, дакъ за тоя можна и быть мѣць луччій *).

Ня чурайцѣся-жъ, селяне, рамель и службы, бо у томъ ни ма нѣякого стыду! Напроціу: люди на тоя, кабъ одинъ другому служили чимъ, а усѣ разомъ Богу вѣрно служиць мусюць. Намякну яще, што слуги и рамесляники, большъ отерты на свѣ-

*) Поминица и тоя, што зарабленыя гроши треба барэччи ня у кублахъ, кабъ ѣли мыши, а у збирательныхъ кассяхъ, на книжку.

ти, коло особъ вучиныхъ, заносюць у свои селы луччіи порядки и густь-укусъ, што уже и цяперъ видать по-троху.

У селахъ, однакъ, треба завесъ порядки другиі, гуртомъ. Начавши отъ постройкы школы и нащёмки вучителя, треба одъ разу зъ народу звесци гарэлку, зъ корчмою разомъ, а коли будиць икая госци съ пивомъ, съ яденемъ для подорожныхъ, то нихай у ей завядутца книжки и газеты, кабъ народъ, пришевши тамъ, вольнымъ часомъ, погомониць, потолковать сурезно объ потребахъ сила, могъ за разомъ прочитаць што добраго и поучитьца, ни одъ дурыцялѣвъ и плутовъ, якъ цяперъ, али зъ того читання, айдѣ якъ што идець на свѣти, якіи закони вышли и т. д., бо каждый чилувѣтъ ни одичалый мусиць рупицца объ тоя, мусиць работаць завсѣгды головою, и тымъ самымъ усѣ большъ цвицизоватьца.

Селы потреба-бъ строиць у ровныи линіи, вулицы осушить одъ вѣчний грази, празъ копанія конавъ, альбо мощення, дѣ камення достатокъ.

Конечни, треба такжа заводиць фруктовыи садки ли хать, дакъ якъ люди будуць мѣть свои овоцы, ни пойдучъ красти чужихъ и зразумѣюць луччіи святость чужей собственности.

И господарство ня можиць совсимъ остатьца такимъ, якъ яно цяперъ стоиць. Свѣтъ мудрѣить, дакъ и силянину, при таляграфакъ и залъзныхъ дорогахъ мудрѣйшимъ треба стацьца празъ науку. Ня той ужи часъ, кабъ карпатьяца у зямли бязъ толку, ус мусиць быць цяперъ расчитано и зроблено, якъ того требуиць новѣйшая прахтыка и вѣпты. По нѣкоторыхъ дворахъ у насъ тоя ужу можно бачить и уцямиць, якъ што робитьца съ помощью науки.

Толкуюць, и гэта вѣрно сбудитца скоро, што у волостныхъ школахъ будуць учить основныхъ правилъ хозяйства, огородництва, пчальництва, лясництва, и давъ-ба Богъ скорѣй тоя, а тымъ часомъ треба старатьца добрый примѣръ брать, дѣ тольки можно.

И такі, што бъ удобриць писчаньи пустоши, силянамъ надо сѣить лупинь, бо гэто растення малъ чудомъ правиць зямлю, и даецъ шмать цѣннаго сѣна. Скоть тожа треба годоваць разумнѣй. Ня объ количество штукъ тутъ идець дѣло, али объ выгодовання скоту молочнаго и мясетаго.

Дѣли того сяло, усью громадою, мѣиць сабѣ купляць расовыи бугаи, дѣли расплоду молочныхъ коровъ, а потомъ такъ само громадою нанявши сыровара, робить сыръ, на способъ

швейцарскій, альбо голяндерскій, и продаваць у городъ, у магазины, бо цана такихъ сыровъ малъ потройная.

Кромѣ того, каждой сяло мусиць сабѣ завесь свою мірскую краму, кабѣ доставаць товаръ найтонѣйшій, дешевый, съ першій руки.

Што належиць усякаго хлѣба и усякихъ припасовъ господарства, то ихъ треба продавать ни иначе, якъ празъ комиссійскіи конторы, званни синдикатами господарскими, которыи цяперъ повстаюць у городахъ только для того, што-бъ каждый хозяинъ, ни шукаючи купца, обычно круциля, могъ сбыть свой товаръ у першии руки, и разомъ купить сабѣ што треба для господарства, якъ: плуги, бороны, косы, сярны, и усякую, што только подуманиць снасць.

Такимъ способомъ продавши найдорожжѣй свое и купивши найтонѣй што треба, хозяинъ порядочный и цвярзый много можиць сбиречь гроши; тутъ нѣякихъ ни будиць расходовъ на глупыи „барыши“, и ни страчить дорогого часу, якъ цяперъ, таскаючись по торгахъ, а потомъ по корчихахъ, што часто и половины гроши ни довязеть домовъ, а якъ добрый хмель, то и усѣ покрадуць, да разомъ и съ конемъ, дакъ проспавшись беда, хоть топись.

IV.

Яще послѣднїя слово.

Якъ народъ поскидавъ народную одежду, то страпилися и выробы домашнихъ тканей, а на усякую фабричную тандету много йдѣ купила марно, и зъ того усяго нимашь ни выгоды, ни красы, а только яуная школа.

Треба нашь усимъ вѣдаць и разумѣць, што такая скрой народный: теплый, важный, красивый, съ правдѣку приспособляиный до нашего климату, и затымъ служиць здоровью.

На довгїи суконныи свиты мужчинъ, подпоясаныи дмотканными штучно, альбо инными поясами, на пекныи гарсеты, вышиваныи сподницы и кошули у „лѣватки“, „царкаўки“ и т. д. молодежи и дивчатъ, да коли яще тыи заплятуць свои косы чарвоными лентами, наложуць на шїю блискучїи пацярки—дакъ ни наглядѣтьца... А якъ хоромъ запляуць сребнымъ голосомъ родную пѣсню, дакъ и заплакаць хочитца—такъ свое и хватаецъ за сэрца!.. А усѣ тоя стали забываць цяперъ наши еляни!..

Одежа наша зробилася куртата, ситцовая у бабъ, добри означая новыи дурныи обычаи и звычай народа.

Ой, беда!

Сяду потребны сурезныи мужи—господари, працовитыи, уважныи и послушныи дяцюки и хлопцы, а ня оной, и усякии проходимцы; потребны расторопныи хозяйки, скромныи, крѣпкіи молодлицы и дьявицы, а ни распутныи, вѣтромъ подшитыи, блѣдныи „Букетки“, „Имосцянки“ и прочее.

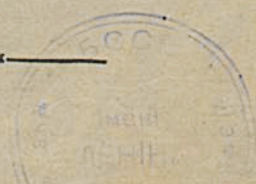
Оглядитяся-жь на блудъ! На што намъ тыи курты да жакеты, сукни и кофты? На што гуляць низграбно нѣйкии „кандрыли“, кыли маитя свой поважныи „таницы“, которымъ бывало починалася усякая народная вяселость, свои, якъ огонь жаркии „мятелицы, качаны, ганди, лявонихи“ и т. д.

Народъ задумавъ обезьянить мищанъ и другихъ, а ни вѣдмиць того, што онъ у своей народной старинѣ такій живописный и любый, и што яму завидующъ у томъ найбогачѣйшии люди!

Умилуйця-жь свое родноя, покинѣтя усѣ модноя, вамъ нѣякъ ни къ лицу и ни до толку сельскому!

Начиня ткаць древнии ткани, одѣвательства у народный свой, красивый и цѣпый пріодѣвокъ. *Ни забывайця, ни свойго давняго убранства, ни своихъ пѣсней старыхъ, якъ свѣтъ, нѣжныихъ и тоскливыхъ, якъ нѣжна тоскующая по дѣтямъ маць, и станитя луччими, пригожѣйшими, здоровѣйшими, богатыми!* Якъ съ часомъ народъ такъ устроитца мудро празъ настоящую грамоту, якъ научитца усякихъ ремесль, якъ станицъ охвотно служиць и зарабатца усюды, якъ наладить хозяйство, свои хаты и усѣ у согласіи съ потребами жицця, то познаиць и свѣаь у родный сторонѣ, дѣ яму будиць жиццѣ выгодная, милоя, и тогда хѣба дурины якій захочиць исти у прочки, кидатца свое святоя для навѣрнаго на далекій чужбинѣ.

Брацця! Старайцяся одъ усяго сэрца придобѣть, што нѣ ай-большь, христіанской любви, морального и научнаго просвѣщения, а у награду уже дасъ Богъ богато зъ зямельки родный, которую мусиць Ёнъ прадзначивъ вамъ Самъ, коли вы у ей порадажались и слывете іе сынами.... За работу-жь, брацця! За работу съ Богомъ!

Самые прекрасные произведения искусства — это те, которые созданы в моменты величайшей борьбы и страдания. Именно в эти моменты душа человека освобождается от всех преград и ограничений, и в ней рождается нечто новое, нечто высшее, нечто, что не может быть достигнуто никакими другими средствами. Именно в эти моменты человек становится творцом, и его творчество становится истинным искусством.

Именно в эти моменты человек становится творцом, и его творчество становится истинным искусством. Именно в эти моменты человек становится творцом, и его творчество становится истинным искусством. Именно в эти моменты человек становится творцом, и его творчество становится истинным искусством.

Именно в эти моменты человек становится творцом, и его творчество становится истинным искусством. Именно в эти моменты человек становится творцом, и его творчество становится истинным искусством. Именно в эти моменты человек становится творцом, и его творчество становится истинным искусством.

Именно в эти моменты человек становится творцом, и его творчество становится истинным искусством. Именно в эти моменты человек становится творцом, и его творчество становится истинным искусством. Именно в эти моменты человек становится творцом, и его творчество становится истинным искусством.

Именно в эти моменты человек становится творцом, и его творчество становится истинным искусством. Именно в эти моменты человек становится творцом, и его творчество становится истинным искусством. Именно в эти моменты человек становится творцом, и его творчество становится истинным искусством.

B00000002 1 19 10